

АКАДЕМИЯ НАУК СССР, ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ,
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ СССР ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ

№ 11

Н О Я Б Р Ь

1989

Вопросы Истории

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит с 1926 года.

Москва. Издательство „Правда“

Главный редактор

А. А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

В. П. АЛЕКСЕЕВ
Н. Н. БОЛХОВИТИНОВ,
П. В. ВОЛОБУЕВ,
А. С. ГРОССМАН,
В. П. ДАНИЛОВ,
А. П. ДЕРЕВЯНКО,
В. А. ДЬЯКОВ,
М. С. КАПИЦА,
И. Д. КОВАЛЬЧЕНКО,
А. И. КРУШАНОВ,
В. И. КУЗИЩИН,
В. А. КУМАНЕВ,
Б. В. ЛЕВШИН,
А. П. НОВОСЕЛЬЦЕВ,
О. А. РЖЕШЕВСКИЙ,
К. И. СЕДОВ,
И. В. СОЗИН
(заместитель главного
редактора),
С. Л. ТИХВИНСКИЙ,
А. Я. ШЕВЕЛЕНКО,
В. В. ШЕЛОХАЕВ,
В. А. ШИШКИН,
В. Д. ЯНИН.

ИЗ ИСТОРИИ НАРОДОВ СССР

ПРИСОЕДИНЕНИЕ ТУРКМЕНИСТАНА К РОССИИ: ПРАВДА ИСТОРИИ

М. А. Аннанепесов

В 70–80-х годах у нас в стране почти повсеместно начали проводить юбилейные торжества, посвященные добровольному вхождению народов в состав России. Создавалось впечатление, что мы забыли характеристику политики царизма на Востоке как захватнической, разбойничьей. В. И. Ленин клеймил ее позором, а царскую Россию называл тюрьмой народов¹. Получалось, что не было завоеваний, аннексий, никакого сопротивления народов политике царизма. Столь упрощенное представление было характерно и в отношении Туркменской ССР. В начале 1983 г. в республиканских газетах был опубликован доклад первого секретаря ЦК КП Туркменистана М. Г. Гапурова на очередном Пленуме ЦК, неожиданно для научных работников выдвигавший концепцию добровольного вхождения Туркменистана в состав России².

Проблема присоединения Туркменистана к России имеет солидную источниковую и историографическую базу. В процессе и сразу же после покорения Туркменистана в Петербурге, Москве, Ташкенте, Тбилиси и других городах России начали обсуждать ход военных действий, публиковалось множество работ непосредственных участников событий — русских генералов и офицеров, корреспондентов зарубежных газет и других участников военных экспедиций³, а также многочисленные статьи в сборниках и газетах.

За годы Советской власти первые публикации воспоминаний о присоединении Туркменистана к России были осуществлены в конце 20-х годов на страницах журнала «Турменоведение». В 40–60-х годах публикуются

АННАНЕПЕСОВ Мурад Аннанепесович — академик АН Туркменской ССР, академик-секретарь Отделения общественных наук АН Туркменской ССР.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 24, с. 154.

² Об этой концепции см.: Вопросы истории, 1989, № 5, с. 67–69.

³ Гродеков Н. И. Война в Туркмении. Тт. 1–4. СПб. 1883; Куропаткин А. Н. Завоевание Туркмении (Поход в Ахал-Теке в 1880–1881 гг.). СПб. 1899; Герентьев М. А. История завоевания Средней Азии. Тт. 1–3. СПб. 1906; Алиханов-Аварский М. Мервский оазис и дороги, ведущие к нему. СПб. 1883; его же. Закаспийские воспоминания (1881–1885). — Вестник Европы, 1904, № 9–10; Покорение Ахал-Теке (Из записок полковника Сполатбога). Тифлис. 1884; Маслов А. Н. Завоевание Ахал-Теке. Очерки из последней экспедиции Скобелева (1880–1881). СПб. 1882; Ржевусский А. От Тифлиса до Денгиль-Тепе. — Военный сборник, 1885, № 3; Ахал-текинская экспедиция генерала Скобелева в 1880–1881 гг. Из воспоминаний д-ра А. В. Щербака. СПб. 1884; О'Донован. Оазис Мерв. СПб. 1883; Мах-Гахан. Военные действия на Оксусе и падение Хивы. М. 1875; Макшеев А. И. Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских. СПб. 1890; Лессар П. М. Юго-Западная Туркмения (земли сарыков и салыров). СПб. 1884.

сборники архивных документов⁴. Кроме того, нами изучены материалы фонда генерала А. Н. Куропаткина и личные бумаги генерала Н. И. Гродекова.

Рассматриваемая проблема получила отражение и в трудах советских историков. В 20–30-х годах они писали в основном о завоевании царизмом Туркменистана и часто проводили аналогию между колониальной политикой Англии и России на Востоке⁵. В послевоенный период появились исследования А. Каррыева⁶, в свое время подвергнутого резкой критике: он проводил мысль о том, что сближения с Россией искали лишь слабые и отсталые прибрежные туркменские племена, тогда как ахалтекинские, стоявшие выше остальных по уровню социально-экономического развития, оказывали царским войскам упорное сопротивление, что Ахал-Теке в тех условиях могло объединить Туркмению и создать независимое государство⁷. Каррыев вынужден был выступить в печати с признанием своих ошибок⁸.

В 60-е — начале 70-х годов появляется серия монографических исследований⁹, написанных с учетом итогов Всесоюзной научной конференции 1959 г. в Ташкенте, посвященной прогрессивному значению присоединения Средней Азии к России, где под знаком идей XX съезда КПСС развернулась свободная дискуссия о характере присоединения народов Средней Азии к России и его прогрессивном значении. В докладе А. В. Пяковского и итоговых материалах конференции была изложена концепция присоединения народов Средней Азии к России, которая включала и завоевание среднеазиатских ханств, и мирное присоединение, и добровольное вхождение отдельных территорий в состав России¹⁰. В концептуальном отношении именно понятие «присоединение» является наиболее приемлемым, объединяя все аспекты и этапы политического процесса вхождения Средней Азии в Россию.

В чем же заключается тенденциозность концепции добровольного вхождения Туркменистана в состав России? При чтении брошюры «Братство навеки»¹¹ прежде всего создается впечатление, что ее авторы попытались идеализировать захватническую политику царизма в отношении туркменских земель, характеризуя ее как ответную реакцию на вылазки и набеги туркменских отрядов в районы, которые Россия уже заняла и объявила своими. Кроме того, авторы забыли, что прикаспийские, ахаль-

⁴ Россия и Туркмения в XIX в. К вхождению Туркмении в состав России. Сб. архивных док. Ашхабад. 1946; Присоединение Туркмении к России. Сб. архивных док. Ашхабад. 1960; Русско-туркменские отношения в XVIII–XIX вв. Сб. архивных док. Ашхабад. 1963.

⁵ Р у с и п о в В. В. Водо-земельная община у туркмен. Ташкент. 1918; Н е м ч е ц к о М. А. Динамика туркменского крестьянского хозяйства. Полторацк-Ашхабад. 1926; Б а д е р Д. М. Очерки экономического развития Туркменистана. — Туркменоведение, 1929, № 2–4; 1930, № 2–3; К а р п о в Г. И. Туркмения и туркмены. — Там же, № 10–11; Ш т е й н б е р г Е. Л. Очерки истории Туркмении. М. — Л. 1934.

⁶ История Туркменской ССР. Т. 1, кн. 2. Ашхабад, 1957, с. 106–140; см. также статьи А. Каррыева в «Известиях Туркменского филиала АН СССР» (1951, № 3), «Коммунист Туркменистана» (1953, № 1); «Известия АН Туркменской ССР» (1959, № 2); и др.

⁷ Коммунист, 1953, № 2, с. 113–120.

⁸ Совет эдебияты, 1953, № 5, с. 78–79.

⁹ Т и х о м и р о в М. Н. Присоединение Мерва к России. М. 1960; Х а л ф и н Н. А. Политика России в Средней Азии. М. 1960; е г о ж е. Присоединение Средней Азии к России. М. 1965; А г а е в Х. Взаимоотношения прикаспийских туркмен с Россией в первой половине XIX в. Ашхабад. 1965; Д а в л е т о в Дж., И л ь я с о в А. Присоединение Туркмении к России. Ашхабад. 1972; и др.

¹⁰ Объединенная научная сессия, посвященная прогрессивному значению присоединения Средней Азии к России. Ташкент. 1959.

¹¹ Гапуров М. Г., Росляков А. А., Анванепесов М. Братство навеки (к 100-летию добровольного вхождения Туркменистана в Россию). Ашхабад. 1983. В 1984 г. эта брошюра переиздана на русском и издана на туркменском языке (в дальнейшем ссылки на нее даются в тексте).

ские и мервские туркмены веками жили относительно свободно и независимо и к действиям рекогносцировочных отрядов царских войск относились как к ущемляющим их независимость. Ахальские туркмены, например, в своих письмах царской администрации ссылались на независимую жизнь со времен Чингис-хана и Надир-шаха ¹².

Первоначально миролюбивая политика царизма в прикаспийских районах Турменистана быстро сменилась диктатом, дипломатия уступила место военной силе. Если вначале верблюдов нанимали у туркмен за условленную плату, то вскоре их тысячами стали отбирать силой. При этом животные погибали от чрезмерной эксплуатации и неправильного ухода. А за малейшее проявление недовольства их хозяев жестоко наказывали. Об этом, в частности о карательных действиях отряда полковника В. Маркозова в 1871—1873 гг., упоминается и в брошюре. Однако утверждение ее авторов, что прикаспийские туркмены «встретили русские войска очень доброжелательно: охотно отдавали взаем верблюдов, поставляли... продовольствие, юрты», можно отнести лишь к самому начальному периоду высадки в Красноводске экспедиционного отряда.

Царское правительство очень скоро свою «решимость прочно закрепиться на восточном побережье Каспийского моря» (с. 28—30) подкрепило серией походов отряда В. Маркозова, доходившего до ахальских аулов Бами и Беорме. Маркозов называл туркменских старшин плутами и отдельным из них приказывал «дать пятьдесят горячих плетей в присутствии всех остальных». На каждом шагу он творил произвол и беззаконие не только в отношении туркмен ¹³, но и своего отряда, мучил солдат жаждой и голодом.

О характере присоединения к России туркменского населения, проживавшего в границах Бухары и Хивы, в брошюре кратко сообщается, что оно «в массе своей не оказало сопротивления присоединению этих государств к России» (с. 27). Это утверждение справедливо в отношении туркмен Средней Амударьи, живших под властью Бухары (нынешняя Чарджоуская область). Они действительно не принимали прямого участия в процессе завоевания Бухары и оставались безучастными к происходившим событиям. Большинство из них впервые увидели русских только много лет спустя после установления протектората России над Бухарским эмиратом.

Однако совершенно невозможно согласиться с трактовкой в брошюре событий, развернувшихся в Хивинском ханстве, поведения хивинских туркмен в процессе подчинения Хивы Россией. Авторы отмечают, что «туркмены здесь не оказали сопротивления русским войскам... Русские чиновники всячески поддерживали хана и по его усиленным просьбам даже совершили в 1873 и 1874 гг. два жестоких карательных похода против отдельных туркменских племен, главным образом йомудов» (с. 28). Такое освещение событий, связанных с покорением Хивы, явно рассчитано на сокрытие правды. Фактически в процессе военных действий по завоеванию Хивы, еще до подписания договора от 12 августа 1873 г. «население туркменских районов Хивинского ханства подверглось жестокому истреблению и полнейшему разорению его хозяйства» ¹⁴.

Исторически сложилось так, что хивинские туркмены испокон веков служили хивинским ханам в качестве воинов (пукеров) и потому почти не платили налогов и не несли других повинностей кроме воинской. Они были освобождены даже от ежегодных работ по очистке магистральных каналов. Отряды туркменских вооруженных всадников представляли в ханстве грозную силу и часто диктовали свои условия не только поддан-

¹² Давлетов Дж., Ильясов А. Ук. соч., с. 103.

¹³ Государственный Исторический музей. Отдел письменных источников, ф. 307, д. 13, лл. 23—24, 240—241.

¹⁴ Давлетов Дж., Ильясов А. Ук. соч., с. 69—70.

ным хана, но и самим правителям. В архивных документах кабуна завоевания Хивы Россией говорится, что «в Хиве, собственно, не существует хивинского вопроса, а есть только туркменский вопрос, от решения которого и зависят все будущие отношения Хивы к России», что «сила и значение туркмен до того велики, что сам хан и его родственники не могут отъехать от столицы на десятки верст без значительного прикрытия». В документах подчеркивается, что власть хана над туркменами, живущими в его владениях, была только номинальной, что «не хан властвовал и распоряжался в среде туркмен-полукочевников, а они держали его постоянно в своих руках»¹⁵. В 1855—1856 гг. хивинские туркмены либо способствовали убийству либо сами убрали одного за другим трех ханов, которые чем-то им не угодили.

В связи с особым положением туркмен в ханстве накануне вторжения царских войск в Хиву возник туркменский вопрос, который очень широко обсуждался в военных кругах царской России. При этом для оправдания ее захватнической политики туркмен изображали только как необузданное и своевольное племя с якобы «разбойничьими наклонностями». Все это делалось для того, чтобы основной удар царских войск направить против туркмен, представлявших собой главную военную силу в ханстве.

Командовавший войсками Хивинской экспедиции туркестанский генерал-губернатор К. П. Кауфман во время бесед с хивинским ханом убедился в том, что туркмены привыкли в отношении к Хиве разыгрывать роль преторианцев и янычар, возводили и низвергали ханов, распоряжались в ханстве как настоящие его хозяева. При этом он говорил офицерам: «Туркмены — преторианцы и янычары; преторианцы и янычары в свое время были поголовно истреблены; следовательно, и туркмен надо истребить. Истребление преторианцев и янычар признано актом государственной мудрости»¹⁶. И добавлял: «Ввиду всего изложенного я останавлиюсь на мысли, что мы, пользуясь настоящим пребыванием наших войск в ханстве, можем до некоторой степени изменить указанный выше порядок вещей, ослабив туркмен материально и нравственно, сломив их кичливость и необузданность». Он признавался, что начал действовать, чтобы «окончательно решить столь озадачивающий меня туркменский вопрос в ханстве или смирением туркмен или совершенным их уничтожением»¹⁷.

Хивинские туркмены при вступлении царских войск в пределы ханства оказали упорное сопротивление, хотя, по свидетельству царских офицеров, «были весьма плохо вооружены. Нужно было видеть отвагу и дерзость, с которыми туркмены нападали на наш отряд, чтобы поверить возможности разбития ими целых персидских армий»¹⁸. Это подтверждает и единственный корреспондент одной из американских газет Мак-Гахан, допущенный к участию в хивинской кампании. Он пишет, что при вступлении царских войск в Хиву упорнее всех сражалась туркменская конница, и послы хана заявляли русскому командованию (полковникам Ломакину и Скобелеву), что боевые действия продолжают только «непокорные ослушники туркмены» вопреки «желаниям и данным приказаниям» хана¹⁹. Сам же он еще до этого прислал письмо Кауфману, в котором заявлял о своей покорности и просил прекратить артиллерийский обстрел. Далее Мак-Гахан заключает: «Долгое время спустя после того, как сам хан и остальные обитатели оазиса отказались от всякого сопротивления, туркмены все продолжали сражаться; если бы все прочие хивинские народы выказали такую же отвагу и настойчивость, как туркмены, то результат кампании был бы совершенно другим. Русские, конечно,

¹⁵ Присоединение Туркмении к России, с. 100, 145.

¹⁶ Терентьев М. А. Ук. соч. Т. 2, с. 279.

¹⁷ Присоединение Туркмении к России, с. 146, 147; Давлетов Дж., Ильясов А. Ук. соч., с. 75.

¹⁸ Присоединение Туркмении к России, с. 100, прим. 4.

¹⁹ Мак-Гахан. Ук. соч., с. 165.

взяли бы город, но понесли бы такой урон, что положение их в стране было бы чрезвычайно ненадежно»²⁰.

Все это происходило в конце мая — начале июня 1873 г., в первые дни вторжения царских войск в пределы ханства, и эти действия не следует связывать или путать с тем, что происходило в ходе карательной экспедиции, которая была организована пять недель спустя после падения Хивы — 7—24 июля 1873 года. Незавидную роль в этих событиях сыграл хивинский хан Сеид Мухаммед Рахим (называвший себя «Бахадуром» — храбрецом). Он натравил царские войска на своих не очень послушных подданных — туркмен. Именно по его наущению была организована карательная экспедиция против газаватских йомудов. Говоря об услугах туркмен Сеид Мухаммеду Рахим-хану, оказанных ему в разное время, Мак-Гахан пишет, что, «забывая услуги, которые они [туркмены] оказали ему, преданность и мужество, обнаруженные ими в войне за него, он представил их русским как разбойников и нарушителей закона». Хан говорил Кауфману, что за долю контрибуции, падающей на туркмен, он не может отвечать, ибо они его не слушаются, и «уверял, что без артиллерии не будет иметь возможности держать их в покорности, ни даже ручаться за безопасность собственного престола»²¹. То, что хан оказался зачинщиком и инициатором карательной экспедиции против туркмен, косвенно подтверждают донесения царских офицеров. Они недоумевали по поводу того, что все туркмены почему-то считали хана главным виновником своих бедствий²².

Кауфман начал действия по «ослаблению туркмен материально и нравственно, слому их кичливости и необузданности» с того, что наложил на них непосильную контрибуцию и держал их старшин в качестве заложников. Размеры контрибуции ошеломляющие: 610 500 руб., из них 300 тыс. руб. обязаны были внести йомуды, остальные 310 500 руб. — ем-рели, човдуры, карадашлы, алили и гоклены из расчета по 20 рублей с кибитки²³. Сроки уплаты контрибуции были установлены жесткие и заведомо нереальные — всего 12 дней, если учесть, что у туркмен при господстве натурального хозяйства не могло быть наличных денег. В связи с этим Кауфман позволил половину контрибуции принимать натурой и предписал: «В счет денег можно принимать серебро и золото... Верблюдов принимать только здоровых, зрелых, не иначе как с чанами или седлами».

Для сбора контрибуции при отрядах царских войск были созданы специальные комиссии, которые начали принимать поступающие вещи за бесценок. Туркмены не уклонялись от уплаты контрибуции и «усердствовали самым очевидным образом, — приносят женские уборы, серебряные украшения с оружия и сбруи, ковры, пригоняют на продажу скот, даже собак, сдают, к очевидной для себя невыгоде, верблюжьих самок от детей (так в тексте. — М. А.), словом все, что у них есть. Очевидно, платить им печем»²⁴. Мак-Гахан пишет, что «для этих бедных людей каждая вещь

²⁰ Там же, с. 168.

²¹ Мак-Гахан. Ук. соч., с. 259—260. Хивинский хан и после установления протектората России неоднократно обращался к царским властям с жалобой на туркмен, говоря, что «между туркменами больше дурных, чем хороших людей», что дурные люди не хотят слушать его советов, на что царские чиновники отвечали: «Вы — хан, туркмены — ваши подданные, ваши дети; если они не слушают добрых слов, накажите их теми средствами, которыми вы располагаете. Если прежде при непослушании туркмен вы не давали им воды (речь идет о поливной воде. — М. А.), не пускали их на базары, делайте это и теперь... Белый царь будет смотреть на туркмен, как на разбойников, а с разбойниками у нас разговоры коротки» (Присоединение Туркмении к России, с. 126—127). Результатом всего этого явилась вторая карательная экспедиция в начале 1874 г. — на этот раз против кубадагских туркмен.

²² Присоединение Туркмении к России, с. 120.

²³ Там же, с. 112—113.

²⁴ Там же, с. 119—120.

была старым, знакомым другом, к которому они привязались вследствие многолетнего употребления, с которым соединено было множество воспоминаний... Эти украшения составляют, кажется, после лошадей, главный предмет богатства туркмен. Они приносили их сотнями, и русские принимали их по двадцати пяти рублей за фунт серебра. Все украшения были из серебра высшей пробы, очень грубой работы и очень массивные. Пара браслетов часто весила больше фунта. Они очень широки и толсты, имеют форму буквы С, некоторые отделаны золотом и все с сердоликовыми украшениями. Грустно подумать, как тяжело было женщинам отдать эти незатейливые драгоценности, чтобы удовлетворить безграничное корыстолюбие... Некоторые вещи были в семействе несколько поколений. Матери, бабушки, прабабушки современных туркменок надевали их в день своей свадьбы»²⁵.

Темпы сбора контрибуции не удовлетворили Кауфмана, намеченные им сроки явно нарушались. Поэтому для наказания туркмен были сформированы два карательных отряда под начальством генерала Головачева и самого Кауфмана. Выступив на несколько дней раньше, отряд Головачева вошел в соприкосновение с йомудской конницей, которая не раз отчаянно бросалась в атаку и «каждый раз отбрасывалась с большим уропом». Артиллерия картечным огнем наносила огромные потери нападавшим почти безоружным всадникам, оставившим на поле боя до 600 убитых²⁶. Головачев подтверждает, что «валявшиеся на дороге трупы людей, которые туркмены, несмотря на обычай, не успели подобрать, убитые и раненые лошади свидетельствовали о большой потере, которую они понесли, и о поспешном их бегстве». Силы сторон были явно неравными. Соппротивление туркмен можно назвать поистине народной трагедией. Тем не менее Головачев считал, что за свои действия туркмены «заслуживают совершенного истребления»²⁷.

Карательный отряд тут же приступил к поджогу и уничтожению аулов и поселений йомудов. Кауфман, проезжая по этим местам, признавал, что их поселения «превосходные, что они представляют такие же тщательно обработанные богатые пашни, сады и поля, как и между узбекскими и прочими оседлыми поселениями ханства»²⁸. Мак-Гахан также отмечает, что территория йомудов «была богата и плодородна, повсюду перерезана глубокими каналами, берега коих обсажены длинными рядами тополей»²⁹. Речь идет о газаватских йомудах, которых царские власти ранее характеризовали как «диких кочевников» и «необузданных разбойников». Было истреблено и предано огню все от Газавата до крепости Измукшир на пространстве 150 кв. верст. Дома, имущество, хлеб и прочие запасы — все было предано огню, а в настигнутых казаками караванах откочевывавших беженцев много людей было перебито, потоплено в болотах и озерах. При этом было захвачено много скота, царскими войсками уничтожено и сожжено до 3 тыс. арб (телег) с имуществом йомудов³⁰. Казаки преследовали уходивших в сторону Исмамут-ата и нагнали их караван у оз. Зейкен: беженцы в панике бросили все вещи и скот, «глубокий и быстрый проток был буквально запружен туркменами: молодыми, стариками, женщинами, детьми; все бросились в озеро от преследовавших их казаков, тщетно усиливаясь достигнуть противоположного берега. Туркмен погибло здесь до 2 тыс. человек разного пола и

²⁵ Мак-Гахан. Ук. соч., с. 294.

²⁶ Присоединение Туркмении к России, с. 114. Источники называют разные данные о численности туркменской конницы и пеших ополченцев. Начальник штаба отряда подполковник Фриде считает, что в нападении участвовало до 10 тыс. человек, в том числе 6 тыс. конных и 4 тыс. пеших туркмен (там же).

²⁷ Там же, с. 109–110.

²⁸ Там же, с. 118.

²⁹ Мак-Гахан. Ук. соч., с. 262.

³⁰ Присоединение Туркмении к России, с. 114, 118.

возраста; часть утонула в самом озере, часть в окружающих его болотах»³¹.

Мак-Гахан, который сопровождал карательную экспедицию Головачева и оставил ее подробное описание, свидетельствует, что он был очевидцем дикого зрелища: в невероятно короткое время пламя и дым поднялись над горизонтом со всех сторон и застилали всю окрестность, а казаки двигались в дыму как привидения с пылающими головнями в руках, быстро перескакивая через канавы и стены, часто просто подъезжая к домам верхом, прикладывали горевшие головни к соломенным крышам или стогам невымолоченной пшеницы и неслись прочь. Волны пламени и облака черного дыма охватывали всю округу. «Это была война, какой я никогда не видал до сих пор и какую редко можно видеть в наши дни»³². Так продолжалось день за днем, отряд карателей шел по берегам Газавата, сжигая все, что только могло гореть.

Но Головачев этим не довольствовался и одновременно с уничтожением и поджогами жилищ начал преследовать и истреблять ни в чем не повинных безоружных беженцев. Отставшие от своих беженцы не могли далеко уйти и убегали на виду у наступающих войск, особенно казачьих конных сотен. Беженцы двигались «сплошной массой мужчин, женщин, детей, лошадей, всрблюдов, овец, коз и рогатого скота, в которой ничего нельзя было различить и которая устремилась вперед в диком ужасе и беспорядке». Казаки налетели на эту массу и устроили дикую расправу. Мак-Гахан описывает эту расправу в разделе под названием «Резня»³³. Отчаявшиеся туркмены спрашивали казаков: зачем они вторглись в их аулы; ведь они никогда не вели войны с русскими; зачем же они так поступают? Они не знали, что приговор им был вынесен Кауфманом и Сеид Мухаммед Рахим-ханом. В ходе экспедиции было захвачено много скота, награблено много ковров, шелковых и шерстяных изделий, женских украшений. Все остальное сжигалось вместе с арбами. Так хивинскому хану руками царских войск удалось сокрушить могущество своих подданных туркмен-йомудов, была захвачена большая часть их имущества, а весь их хлебный запас и жилища сожжены. В общей сложности было уничтожено 16 аулов³⁴.

Кауфман достиг своей цели, признав, что «ослабленные материально и пораженные нравственно йомуды разбрелись в разные стороны». Он заявлял, что знакомство с туркменами показало, что «они другого языка не понимают». Хивинский хан направил ему письмо, в котором поздравлял генерала «с поражением йомудов» и выражал надежду, что «теперь не скоро они оправятся от учиненного над ними погрома»³⁵.

У нас нет оснований не верить Мак-Гахану — единственному невоенному очевидцу событий. Сообщения о крайней жестокости экспедиции генерала Головачева широко распространились в Европе. В 1875 г. Энгельс, возражая Дюрингу, подчеркивал, что согласно его морали «можно оправдать все позорные деяния цивилизованных государств-грабителей по отношению к отсталым народам, вплоть до зверств русских в Туркестане. Когда генерал Кауфман летом 1873 г. напал на татарское племя йомудов, сжег их шатры и велел изрубить их жен и детей, «согласно доброму кавказскому обычаю», как было сказано в приказе, то он тоже утверждал, что подчинение враждебной, вследствие своей извращенности, воли йомудов, с целью ввести ее в рамки общежития, стало неизбежной необходимостью и что примененные им средства наиболее целесообразны»³⁶.

³¹ Терентьев М. А. Ук. соч. Т. 2, с. 272–273.

³² Мак-Гахан. Ук. соч., с. 257–294, 263.

³³ Там же, с. 264, 289–290.

³⁴ Терентьев М. А. Ук. соч. Т. 2, с. 273–278.

³⁵ Присоединение Туркмении к России, с. 118; Терентьев М. А. Ук. соч. Т. 2, с. 304.

³⁶ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 20, с. 103.

Все жестокости царских войск подтверждаются архивными документами и подробно описаны М. А. Терентьевым³⁷. Такова истинная цена тезиса о том, что хивинские туркмены добровольно приняли подданство России и не оказывали никакого сопротивления царским войскам.

В упомянутой брошюре сделана также попытка преувеличить раздоры среди ахальских туркмен накануне и в разгар двух царских военных экспедиций — 1879 и 1880—1881 гг. в Геок-Тепе. Авторы ее утверждают, что раздоры эти доходили «порою до кровопролитных вооруженных столкновений между различными группировками». В действительности же имели место в ходе обсуждения жизненно важных политических вопросов отдельные стычки. Неправомерны также попытки авторов говорить об острой конфронтации прорусской и антирусской партий, делить туркмен Ахала на западных и восточных и противопоставить Нурберды-хана Коушут-хану (с. 33). Конечно, расхождения в ориентации были, но они имели временный характер и легко и быстро преодолевались участниками событий. Это убедительно показали последующие события, когда почти безоружные защитники Геок-тепе проявили удивительное единодушие, стойкость и героизм. Царским войскам не удалось найти ни одного предателя среди них.

Преувеличивается также роль английских агентов, в результате происков которых Нурберды-хан в 1877 г. вынужден был будто бы примкнуть к антирусской партии (с. 35). Можно говорить только об определенном влиянии английской разведки на обстановку в Ахале³⁸. Но это ни в коей мере не было решающим фактором сплочения народных масс и правящей верхушки Ахала в борьбе против экспансии царизма. Единственное событие, инспирированное агентами английской разведки в истории присоединения Туркменистана к России — Ташкенпринское сражение в марте 1885 г. между афганскими и царскими войсками³⁹. До этого ни в Ахале, ни в Мерве англичане не могли оказать решающего влияния на ход событий. О'Донована, например, мервские текинцы прозвали «томаша-адам» (забавный человек) — видимо, потому, что его никто всерьез не принимал⁴⁰.

В брошюре ни слова не сказано о военно-стратегическом значении строительства Закаспийской железной дороги от Михайловского залива Каспийского моря до Кизыл-Арвата в 1880—1881 годах. Фактически дорога строилась из стратегических соображений, она и называлась военной. В 1880 и в последующие годы она обеспечивала только военные перевозки и существенно облегчила продвижение царских войск в глубь туркменской степи.

Особенно тенденциозной в освещении присоединения Туркменистана к России является попытка авторов брошюры умалить значение военных столкновений в Ахале, обороны и падения Геок-Тепе, оторвать эти события от общей цепи событий, локализовать и представить их как временный, случайный эпизод в процессе добровольного вхождения туркменских земель в состав России. В брошюре есть такие утверждения: «Военное столкновение в Ахале вовсе не явилось каким-то поворотным пунктом в процессе вхождения Туркменистана в Россию и не изменило общего характера данного процесса» (то есть его добровольности.— М. А.);

³⁷ Присоединение Туркмении к России, с. 100—129; Терентьев М. А. Ук. соч. Т. 2, с. 267—279; см. также: Н. Юмудский. Истребление туркмен во имя спасения человечества.— Туркменоведение, 1928, № 10—11.

³⁸ Давлетов Дж., Ильясов А. Ук. соч., с. 126. Наиболее полно эта проблема освещена в указанных выше трудах Н. А. Халфина, его статье о путешествии по Средней Азии Дж. Н. Керзона (Вопросы истории, 1988, № 3, с. 106—115), а также в книгах Г. А. Хидоятова «Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX в. (60—70-е гг.)» (Ташкент, 1969) и «Британская экспансия в Средней Азии (Пенде, март 1885)» (Ташкент, 1981).

³⁹ Хидоятов Г. А. Британская экспансия в Средней Азии, с. 159.

⁴⁰ Терентьев М. А. Ук. соч. Т. 3, с. 141.

«впечатление, что именно взятие Геок-Тепе явилось чуть ли не главным и решающим событием во всем процессе вхождения Туркменистана в Россию», является ложным (с. 36—37). В действительности в 1879—1881 гг. царизм жестоко расправился с самым сильным и активным противником в Южном Туркменистане, нанеся удар по текинцам Ахала и взяв штурмом их главную цитадель — Геок-Тепе. Военные действия в Ахале, падение Геок-Тепе и последовавшее за этим преследование отступавших в пески защитников крепости явились поворотным моментом в присоединении Туркменистана к России. Они оказали огромное воздействие на весь дальнейший ход этого процесса и фактически предрешили его исход.

После неудачного окончания первой Ахалтекинской экспедиции под командованием генерала Ломакина в августе 1879 г. царское правительство немедленно начало усиленную подготовку второй экспедиции для занятия Ахальского оазиса. Командующим ее в январе 1880 г. был назначен генерал М. Д. Скобелев, отличившийся в русско-турецкой войне 1877—1878 годов. Он начал стягивать вооружение, особенно артиллерию, боеприпасы, обмундирование, провизию, фураж, для чего отрядил специальную команду полковника Н. И. Гродекова в приграничные районы Северного Ирана. Скобелев брал из арсеналов буквально все, повторяя: «Против дикарей все годится; победить значит удивить; надо бить по их воображению»⁴¹.

Одновременно он совершал многочисленные рекогносцировочные вылазки, во время которых разорял текинские аулы вплоть до Геок-Тепе, не давал сеять, убирать урожай, пасти скот и т. д., просил посланника России в Иране и приграничные власти организовать набеги хорасанских курдов из Кучана и Буджнурда против текинцев Ахала. В телеграмме российскому посланнику в Иране от 20 июня 1880 г. Скобелев сообщал: «Страна до Геок-Тепе нами разорена. Желательно набеги хорасанских курдов направить тоже для разорения страны между Геок-Тепе и Ашхабадом. Существенно: жечь текинские припасы, имущество и забирать скот». При этом он просил довести масштабы набегов до «стоящих размеров» и обещал помочь им «в порохе и свинце»⁴².

Среди жителей Ахала ходили всякие слухи в связи с ожиданием нового похода царских войск. Английские агенты, появлявшиеся в северных провинциях Ирана, призывали текинцев драться до конца, обещали помочь оружием и деньгами, а О'Донован распространял слухи об участии, какую будто бы готовят русские текинцам: «Мужчин вырезать, женщин солдатам, земли в казну»⁴³. Эти слухи обостряли ситуацию и помогали фанатикам из среды мусульманского духовенства, внушавшим народу, что в случае завоевания Ахала царские войска обезоружат туркмен, выселят их из оазиса, а жен и детей раздадут солдатам⁴⁴. В этой обстановке текинцы Ахала обратились к хивинскому хану за советом⁴⁵, к правителям соседнего Хорасана — «с просьбой о разрешении им переселиться в Серахе, Буджнурд, Кучан и Дерезез и о дозволении покупать хлеб в пограничных местностях». Но под давлением посланника России в Иране им было отказано в этом⁴⁶. Они намеревались также переселиться в Теджен и Мерв, искали другие выходы из создавшегося положения. Невизбежность прихода царских войск и столкновения с ними тяготила их в условиях полной экономической блокады⁴⁷.

⁴¹ Там же, с. 53.

⁴² Присоединение Туркмении к России, с. 478.

⁴³ Терентьев М. А. Ук. соч. Т. 2, с. 140.

⁴⁴ Присоединение Туркмении к России, с. 480.

⁴⁵ Там же, с. 482—483.

⁴⁶ Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА) СССР, ф. 165, оп. 1, д. 1764, лл. 9—10.

⁴⁷ Присоединение Туркмении к России, с. 481.

Между тем подготовка к штурму Геок-Тепе шла полным ходом — подтягивались силы, создавались запасы боеприпасов и продовольствия, железная дорога была доведена до станции Бала-Ишем. Посланник России в Иране Зиновьев встретился с шахом и заручился его поддержкой и содействием Скобелеву перевозочными средствами и припасами (втайне от англичан). Шахский Иран оказывал царской России содействие в покорении Ахала⁴⁸. А Скобелев в это время совершал ежедневные военные прогулки вокруг крепости с 2—3 ротами при 3—4 пушках, то есть стремился создать впечатление, что царские войска немногочисленны и плохо вооружены, а тем временем скрытно подтягивались ударные силы в местечко Еген Батыр-кала в 12 верстах к западу от Геок-Тепе. К 20 декабря 1880 г. там было сосредоточено 38 рот, 11 сотен и эскадронов, 72 орудия, 11 ракетных станков, всего около 5 тыс. пехоты, 2 тыс. павез, 1 тыс. артиллеристов. На марше из Баи находились еще 7 рот и 4 орудия. Было подвезено снарядов разных калибров и гранат для мортир около 30 тыс. штук, 150 пудов пороха, 1140 тыс. патронов, много продовольствия. Войско обслуживало и около 8 тыс. верблюдов, много вьючных лошадей, полторы сотни фургонов и т. д.⁴⁹. Словом, все было готово к штурму.

Крепость Геок-Тепе представляла собой неправильный четырехугольник, ее стены имели в длину от 240 до 720 саженей с множеством выходов. Толщина стен около 5 саженей в основании, а ширина коридора на гребне между стенами — около 3 саженей. Внутри крепости, по разным данным, было сосредоточено от 25 до 40 тыс. защитников, в том числе от 7 до 10 тыс. конных⁵⁰. Оружие у защитников крепости было самое примитивное, в основном холодное. «Против современного типа войска, — пишет А. Н. Куропаткин, — вооруженного скорострельным оружием, боролось население, в котором каждый мужчина считался воином, но главным своим оружием считал «кыч», т. е. пашку, и главным видом боя — бой рукопашный»⁵¹. У защитников Геок-Тепе было всего 4—5 тыс. ружей, в числе которых около 600 русских берданок, отбитых в 1879 г. во время первой экспедиции. Многочисленной артиллерии царских войск противостояла одна медная шестифунтовая пушка, отбитая в 1858 г. у иранских войск, из которой стреляли раз в день камнями, обернутыми в промасленный войлок. Впрочем, они ни разу не долетали до позиций осаждавших крепость царских войск. После взятия Геок-Тепе в ней оказалось до 12 тыс. кибиток, множество землянок, погребов, где были сложены ковры, одежда, женские украшения, котлы, ткацкие станки, орудия земледельцев и т. д.⁵².

Защитники крепости посылали послов в Мерв, к хивинским йомудам, к курдам в Буджнурд с просьбой о помощи. «Только один Мерв обещал вооруженную помощь... Мервский отряд в 2000 человек прибыл в Геок-Тепе ночью на 11 декабря, когда наш лагерь стоял уже в Еген Батыр-кала». Уже на следующий день текинские всадники подскакивали к царским войскам и выкрикивали «хабар» (новость): «Прибыла подмога из Мерва, мы готовы, идите»⁵³. Мервский отряд принимал участие во всех ночных вылазках и оставался в крепости до 5 января 1881 года.

В этой обстановке началась осада крепости, а с середины декабря 1880 г. она подвергалась ежедневным артобстрелам. 23 декабря по случаю гибели генерала Петрусевича по Геок-Тепе был дан залп из 60 орудий,

⁴⁸ ЦГВИА СССР, ф. Военно-ученый архив, д. 6907, л. 272; см. также: Морозов Т. Л. К вопросу о присоединении Ахал-текинского оазиса к царской России. В кн.: Исторические записки. Т. 92.

⁴⁹ Терентьев М. А. Ук. соч. Т. 3, с. 148—150.

⁵⁰ Там же, с. 143; Мозер Г. В странах Средней Азии. Путевые впечатления, 1882—1883 гг. СПб. 1888, с. 66 (сажень равна 2,13 м).

⁵¹ ЦГВИА СССР, ф. 165, оп. 1, д. 1764, лл. 4—5.

⁵² Там же.

⁵³ Там же, лл. 143, 143.

снаряды которых «без промаха разорвались внутри крепости. Ответом были жуткие крики людей и рев животных, как пораженных, так и уцелевших. Но в эту минуту вряд ли кому приходило в голову, что этот залп поразил сотни невинных детей и женщин»⁵⁴. Артиллерия превратила крепость в настоящий ад. Защитники ее могли ответить только ночными вылазками с холодным оружием в руках. Всего было совершено три вылазки: 28 и 30 декабря 1880 г. и 4 января 1881 года. В первую вылазку вызвалось пойти 4 тыс. охотников, во вторую — 6 тыс., в третью — до 12 тысяч. В столь массовых вылазках принимали участие не только мужчины, но и молодые женщины и 14—15-летние дети для захвата оружия и патронов. Все они были одеты очень легко, многие были почти голые и босые, без головных уборов⁵⁵. Вылазка 4 января кончилась неудачно. Только мервцы оставили до 300 трупов. 5 января они покинули Геок-Тепе, ссылаясь на то, что надо заниматься полевыми работами. Одновременно с мервцами из крепости ушли ашхабадцы⁵⁶.

«Нет сомнения, — писал участник штурма Геок-Тепе А. Маслов, — что гарнизон страшно страдал: ничем не защищенный в своих кибитках от... бомбардировки»⁵⁷. Защитники крепости знали, что царские войска делают подкоп, но думали, что таким путем осаждающие просто хотят проникнуть в крепость, и точили сабли и топоры, чтобы встретить их, не понимая, что подкоп делается для сокрушения крепостной стены⁵⁸. Мощный взрыв 70 пудов пороха утром 12 января поднял на воздух огромный ее участок и ошеломил защитников Геок-Тепе. Но они продолжали героически защищаться. Штурм продолжался почти весь день, храбрость защитников крепости «была тем более достойна уважения, что надежда на победу исчезла». Царским войскам был дан приказ: «Пленных не нужно». Поэтому захваченных мужчин они отделяли, выводили вперед и давали по ним залп⁵⁹.

Начальник штаба экспедиционных войск Н. И. Гродеков писал: «Погром был полный, именно такой, какой должен быть в Азии, которая не понимает победы без материального ущерба. Погром был именно в таких размерах, о которых Скобелев мечтал еще в Петербурге: он поразил не только воображение уцелевших взрослых, но наверно останется в памяти будущих поколений, у которых должен принять легендарные размеры. Погром должен был быть и в том случае, если бы Геок-Тепе сдался до штурма»⁶⁰. Маслов также пишет о том, что солдаты бросались на защищавшихся или ищущих спасения с остервенением, поднимали на штыки, кололи в ребра, в живот, стреляли в упор, били прикладами так, что и голова, и приклад одинаково трескали. А. Н. Куропаткин свидетельствует, что внутри крепость «представляла страшную картину. Многочисленные трупы уже несколько дней не убирались. Некоторые кибитки были завалены трупами»⁶¹. Н. И. Гродеков дополняет его: «Только после взятия крепости можно было убедиться в тех страшных потерях, которые неприятель понес во время осады от ружейного и артиллерийского огня. Внутри крепости можно было видеть кибитки, в которых находилось до 15 трупов. Из всего можно было заключить, что в последние дни неприятель уже не хоронил своих мертвых, которые просто сваливались кучами»⁶².

⁵⁴ Там же, л. 20.

⁵⁵ Там же, д. 1746, л. 27; Терентьев М. А. Ук. соч. Т. 3, с. 165—166, 173, 180.

⁵⁶ ЦГВИА СССР, ф. 165, оп. 1, д. 1746, лл. 55—57; Терентьев М. А. Ук. соч. Т. 3, с. 184.

⁵⁷ Маслов А. Ук. соч., с. 105, 108.

⁵⁸ Терентьев М. А. Ук. соч. Т. 3, с. 187—188.

⁵⁹ Там же, с. 194; Маслов А. Ук. соч., с. 108.

⁶⁰ Гродеков Н. И. Ук. соч. Т. 4, с. 4.

⁶¹ Маслов А. Ук. соч., с. 148—149; ЦГВИА СССР, ф. 165, оп. 1, д. 1764, л. 71.

⁶² Гродеков Н. И. Ук. соч. Т. 4, с. 7.

Скобелев добился своей цели и уже после падения крепости лично повел кавалерию в крепость, прошел ее насквозь и преследовал отступавших ее защитников на протяжении 15 верст до наступления темноты. Пехота следовала позади и прошла 10 верст. Войска расстреливали «густые толпы бежавшего в пески неприятеля»⁶³ и рубили бегущих без всякой пощады. Пока шло преследование, в самой крепости «производилась очистка: масса текинцев, скрывшихся в кибитках, была разыскана и истреблена до последнего». Множество женщин металось в ужасе между юртами, моля о пощаде.

Сведения о потерях защитников крепости в день штурма различны. Но большинство авторов называет цифру в 8 тыс. человек. В плен было взято до 5 тыс. женщин и детей, которые были возвращены в крепость, где они провели бессонную ночь под открытым небом в окружении солдат. По словам М. А. Терентьева, «приходилось зажимать глаза» на действия солдат в отношении женщин. В качестве добычи в казну поступило 12 тыс. юрт со всем домашним скарбом, большое количество оружия и скота, 23 тыс. пудов муки и т. д. Все остальное имущество было отдано солдатам⁶⁴.

На следующий день после падения Геок-Тепе Скобелев объявил так называемую баранту — четыре дня на разграбление города. У стен крепости открылся базар. Солдаты таскали из крепости в огромном количестве ковры, женские и детские серебряные украшения, конскую сбрую, украшенную серебром, посуду, одежду и прочие вещи. «Отличные и знаменитые текинские ковры, — пишет Терентьев, — продавались по 3 и 5 рублей»⁶⁵. Первые два дня баранты солдаты каждый раз возвращались из крепости нагруженные коврами и продавали их за бесценок армянским купцам, сопровождавшим царские войска. Куропаткин отмечает, что «ковры, стоившие 60—100 рублей, продавались за 3 и даже за 1 рубль с тем, чтобы через полчаса, притащив еще ковер, снова продать его. Многие офицеры, даже в старших чинах, особенно полковник Артишевский, сделали себе большие запасы ковров, серебряных украшений, оружия»⁶⁶.

Грабежом, кроме солдат, занимались также персы. Особенно зверствовали курды. Персидский военный агент Зульфугар-хан под видом освобождения пленных «отобрал до 5 тыс. молодых девушек и женщин, в том числе немало текинских девочек-подростков, и отправил через село Гермаб в персидские пределы. Надзора за этим агентом не было и на этом женском транспорте персидский военный агент изрядно нажился». Об этих действиях Зульфугар-хана рассказывает Терентьев⁶⁷. Все это лишний раз свидетельствует, что Иран был союзником царской России в войне против текинцев Ахала.

13 января 1881 г. на площади внутри крепости Скобелев, мечтавший

⁶³ Терентьев М. А. Ук. соч. Т. 3, с. 196—198. При этом участники штурма не упускали возможности подчеркивать «благородство» своих военачальников. Так, во время преследования под ноги коня Скобелева бросилась пятилетняя девочка. Он велел ее взять и отвезти к себе, а затем передал графине Милутиной, дочери военного министра, приехавшей в отряд в качестве сестры милосердия. Девочку окрестили и назвали Татьяной (день штурма, 12 января, — Татьянин день). Впоследствии она воспитывалась в Московском институте благородных девиц и была известна как Татьяна Текинская. Куропаткин сообщает, что неожиданно его лошадь остановила за узду молодая женщина с ребенком на руках и горячо говорила: «Ты убил моего отца, мужа, брата. Никого не осталось, чтобы защитить меня. Бери же меня к себе, корми меня и ребенка. Высокая, стройная, с горячими глазами, она скорее приказывала, чем просила» (ЦГВИА СССР, ф. 165, оп. 1, д. 1764, л. 72 об.).

⁶⁴ Терентьев М. А. Ук. соч. Т. 3, с. 201—202; ЦГВИА СССР, ф. 165, оп. 1, д. 1764, лл. 73—74.

⁶⁵ Терентьев М. А. Ук. соч., с. 201 (общую стоимость всей доставшейся добычи Терентьев оценивает в 6 млн. руб.).

⁶⁶ ЦГВИА СССР, ф. 165, оп. 1, д. 1764, л. 78.

⁶⁷ Терентьев М. А. Ук. соч. Т. 3, с. 200—202.

«вспахать Геок-Тепе», устроил парад победителей, предварительно заставив 600 персиян убирать и закапывать уже разлагавшиеся трупы.

Завоевание Ахалтекинського оазиса дорого обошлось царской России. Подготовка этого акта началась фактически в 1870 г., когда небольшой рекогносцировочный отряд впервые появился в Кизыл-Арвате, на западной окраине оазиса, и продолжалась в течение 10 лет. Все это время происходили многочисленные стычки, венцом которых были военные экспедиции 1879 и 1880—1881 годов. В общей сложности за 10 лет царское правительство потратило на овладение Ахалтекинским оазисом почти 29,3 млн. руб., в том числе на экспедицию 1879 г. 5,5 млн. руб., на экспедицию 1880—1881 гг. — 11 млн. руб., на строительство железной дороги — 4,4 млн. руб., на закупку различных материалов и наем верблюдов — 3,5 млн. рублей⁶⁸. По тем временам это — колоссальные расходы. Из 12 596 верблюдов, нанятых или насильственно отобранных у населения, за это время пало 12 246⁶⁹.

Нельзя изображать защитников Геок-Тепе как бездумную, безвольную, инертную массу. Они обороняли свою землю сознательно, хотя и не очень ясно представляли себе масштабы разыгравшейся трагедии. В то же время те, кто играл важную роль в подготовке и проведении военных действий против Геок-Тепе, были заранее настроены во что бы то ни стало расправиться с туркменами Ахала, даже если они сдадут крепость без боя. Гродеков, например, считал, что «нет ни одной симпатичной черты в характере текинцев». Последствием их покорения, считал он, «будет вымирание туркмен, непривычных работать и не имеющих возможности воевать». По его мнению, «туркмены — это черное пятно на земном шаре, это — стыд человечеству, которое их терпит»⁷⁰. Оголтелый шовинизм и расизм отличали не только Гродекова. Критически должна рассматриваться и деятельность Скобелева⁷¹. Ведь полководческие качества и личный героизм Скобелев проявлял и в ситуации, когда перед ним оказывался слабый противник, плохо вооруженная толпа, не имевшая никакой военной выучки. Именно так он вел себя при взятии Геок-Тепе (кстати, картина, изображающая этот штурм, почему-то до сих пор экспонируется в музее-панораме «Бородинское сражение»). Располагая артиллерией, Скобелев давал одновременный залп по не имевшей ее крепости из более чем 70 пушек. Геок-тепинская трагедия разыгралась в основном из-за его честолюбивого намерения «блеснуть» очередной победой. Еще до начала кампании он говорил йомудам Каспийского побережья: «Сила в моих руках. Я истреблю врагов. За каждую каплю русской крови пролью реки вражеской»⁷². Он с особым остервенением, с какой-то яростью и злобой вел военные действия против защитников крепости. Недаром туркмены называли его «гози ганлы» («кровожадные глаза»).

Куропаткин в своих дневниках писал: «В Геок-Тепе сама крепость значения не имела. Важно было то, что в ней укрылась значительная часть населения. Поэтому важно было не выпускать текинцев из крепости, чтобы взяв ее, покончить с ними одним ударом. Оставив крепость, они могли бы укрыться в песках... Чем более приближался день штурма, тем более Скобелев тревожился опасением — как бы текинцы не от-

⁶⁸ Присоединение Туркмени к России, с. 484.

⁶⁹ ЦГВИА СССР, ф. 165, оп. 1, д. 1764, л. 91 об.

⁷⁰ Гродеков Н. И. Ук. соч. Т. 4, с. 49—50, 86—87.

⁷¹ Это необходимо, особенно в связи с тем, что по случаю 110-летия освобождения Болгарии от турецкого ига на страницах некоторых центральных газет была опубликована серия статей, в которых Скобелев назван несправедливо забытым патриотом Родины, приравнен к А. В. Суворову и М. И. Кутузову, объявлен национальным героем. Все эти публикации по своему тону очень напоминают отклики «Петербургских ведомостей», «Московских ведомостей», «Биржевых ведомостей» и др. летом 1882 г. на внезапную смерть генерала. Кому и зачем понадобилась идеализация личности Скобелева, в результате которой игнорируются или только вскользь упоминаются «неудобные» факты его деятельности?

⁷² Гродеков Н. И. Ук. соч. Т. 2, с. 44.

ступили из крепости. Это опасение стало в особенности сильно после неудачной вылазки текинцев 4 января 1881 г.»⁷³. Во время осады Геок-Тепе Скобелев говорил, что, если ему прикажут, он «так же спокойно будет расстреливать рязанских мужиков, как теперь текинцев»⁷⁴. Даже в состоянии предсмертной агонии на вопрос священника, не чувствует ли он угрызений совести за то, что истребил 8 тыс. ни в чем не повинных людей в Геок-Тепе, Скобелев ответил: «Жалею, что не 80 тысяч»⁷⁵. Как тут не напомнить известные слова В. И. Ленина: «По каким признакам судить нам о *реальных* «помыслах и чувствах» *реальных* личностей? Понятно, что такой признак может быть лишь один: *действия* этих личностей»⁷⁶. При оценке Скобелева нельзя забывать его действия в Средней Азии.

В целях оправдания концепции добровольного вхождения Туркменистана в состав России авторы брошюры сознательно прибегали к негодным приемам. Так, говоря о том, из каких мест Туркменистана население не прислало защитникам Геок-Тепе помощи, авторы утверждают, что «в вооруженный конфликт было вовлечено не более 4—8% туркменского народа, а остальные 92—96% остались нейтральными или даже были настроены враждебно по отношению к текинцам Ахала» (с. 36—37). Какие туркмены были «враждебно настроены» к текинцам Ахала, известно лишь авторам.

Геок-тепинская трагедия определила дальнейший ход событий в Южном Туркменистане. Депутация мервских текинцев, находившаяся в Мешхеде, пораженная известием о погроме 12 января 1881 г., заявила, что «во избежание пролития крови Мерву остается идти с повинною к русскому сердару»⁷⁷. Видимо, концепция добровольного вхождения не может быть безоговорочно применима и в отношении крупнейшего и самого густонаселенного оазиса Южного Туркменистана. Сразу же после взятия Геок-Тепе, в защите которого принимали участие и мервские текинцы, обстановка в Мервском оазисе крайне осложнилась. Туда хлынули беженцы из Ахала, в их числе были предводители защитников крепости Овезмурад Дыкма-сербар и Махтумкули-хан. Местное население оживленно обсуждало вопрос, что делать дальше. «Старшины и ханы метались в разные стороны, надеясь найти опору у соседних государств»⁷⁸. Рассматривались различные пути выхода из создавшегося положения — обращение за помощью к Ирану, Афганистану, англичанам, возможности перехода в подданство Хивы или Бухары, совсем недавно превращенных в вассалов России. В результате переговоров в июне 1881 г. хивинский хан даже направил в Мерв своего наместника, деятельность которого, однако, оказалась не совсем удачной, и в 1883 г. он был отозван.

Но больше всего и более конкретно обсуждался вариант мирного присоединения к России. Этому в немалой степени способствовали Дыкма-сербар и Махтумкули-хан (оба к тому времени поступили на службу в царскую администрацию). Они совершали челночные поездки между Мервом и Ашхабадом (а Дыкма-сербар отправился даже в Петербург⁷⁹), уговаривали мервских текинцев принять подданство России, пачать переговоры с русскими властями и т. д. Характерно письмо из Мерва канонира Кидяева, находившегося в плену у текинцев. 26 мая 1881 г. он написал в Ашхабад майору Сполатбогу: «Туркмены почитают меня за

⁷³ ЦГВИА СССР, ф. 165, оп. 1, д. 1764, лл. 5—7.

⁷⁴ Терентьев М. А. Ук. соч. Т. 3, с. 113.

⁷⁵ Давлетов Дж., Ильясов А. Ук. соч., с. 171.

⁷⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1, с. 423—424.

⁷⁷ Гродеков Н. И. Ук. соч. Т. 4, с. 53.

⁷⁸ Тихомиров М. Н. Ук. соч., с. 138.

⁷⁹ Перелом в настроениях мервских туркмен наступил именно вскоре после того, как в 1881 г. депутация во главе с Дыкма-сербаром побывала в Петербурге, где была принята царем, что произвело на нее глубокое впечатление.

большого человека. Ко мне приходят и старые, и малые и спрашивают: «как бы нам мириться с русскими». Прикажите, что мне делать?.. Я говорю туркменам: «что вам напрасно проливать кровь, миритесь с русскими». Туркмены поверили мне»⁸⁰. Это свидетельствовало о переломе в настроениях мервских текинцев уже в 1881 году.

Мервский оазис сделался в это время центром притязаний ряда государств. Один из четырех мервских главных ханов, Майли-хан, даже сравнивал Мерв с девушкой, руки которой сразу просят 5—6 соискателей, а «за кого выйдет невеста — неизвестно»⁸¹. Говоря о характере присоединения Мерва, как и всего Туркменистана, к России, не следует забывать о многовариантности и противоречивости этого процесса, как это сделано в упомянутой брошюре. Вместо того, чтобы объективно рассмотреть разные возможности, борьбу общественных сил за выбор тех или иных альтернатив, в ней события явно упрощаются. В Мервском оазисе в 1881—1884 гг. имел место именно такой сложный процесс.

Авторы брошюры пытаются противопоставить Баба-хана его отцу Коушут-хану, изображать последнего как бездумного, фанатичного человека, неизменно возглавлявшего антирусскую партию. Отсюда вывод, что «серьезным ударом для антирусской партии в Мары явилась смерть в 1878 г. ее наиболее влиятельного руководителя — Коушут-хана», вскоре после чего Баба-хан якобы изменил ориентацию (с. 38—39). Но Коушут-хана нельзя изображать политическим слепцом. Это был выдающийся государственный деятель мервских туркмен второй половины XIX века. Именно он организовывал победы над хивинскими и иранскими войсками в 1855 и 1861 гг., строительство плотины на реке Мургаб и в течение длительного времени пользовался громадным авторитетом в Южном и Юго-Восточном Туркменистане.

Отношение Коушут-хана к России, нашедшее выражение в его попытке участвовать во главе отряда мервских текинцев на стороне Бухары во время битвы с царскими войсками на Зерабулакских высотах под Самаркандом в 1868 г., и в связи с усилением их рекогносцировочных походов по закаспийским степям стало более осторожным. Он сумел правильно оценить создавшееся положение и понял, что «кровапролитие под Мервом ни к чему не приведет. К последним годам жизни относятся его высказывания о бессмысленности вооруженного столкновения с русскими». Он убеждал жителей, что несколько тысяч кибиток туркмен не устоят перед Россией, особенно после того, как она овладела Бухарой и Хивой. Поэтому неправомерно считать, что Баба-хан порвал с антирусской ориентацией отца; Баба-хан вынужден был, как и его отец, мириться с тем, что рано или поздно Мерв войдет в состав России⁸². Он окончательно убедился в этом после завоевания царскими войсками Ахала, о чем свидетельствуют его письма русским властям в Ашхабаде.

В связи с борьбой за присоединение Мерва к России в 1881—1883 гг. резко усилилось англо-русское соперничество в Средней Азии. Английские империалисты, действовавшие на территории Афганистана, усилили подрывную работу против России, посылали в Мерв своих агентов (Э. О'Донован, группа Сияхпуша и др.), которые вели активную антирусскую пропаганду среди населения. Представители британской военно-политической разведки рыскали по пограничным с Мервом районам, искали повода завязать контакты с мервцами, из Герата, Мешхеда и других мест вели оживленную переписку с мервскими старшинами, в том числе с Гюльджамал-ханшей⁸³.

⁸⁰ Давлетов Дж., Ильясов А. Ук. соч., с. 180—181.

⁸¹ Тихомиров М. Н. Ук. соч. с., 146.

⁸² Давлетов Дж., Ильясов А. Ук. соч., с. 198, 199.

⁸³ Эти вопросы подробно освещены в работе Дж. Давлетова и А. Ильясова (с. 207—227), а также в трудах Тихомирова, Халфина и Хидоятова.

Происки британской разведки всюду шли параллельно с продвижением России в глубь Южного Туркменистана и сопровождали русских от Красноводска на западе до Кушки на востоке. В процессе присоединения Туркменистана к России на его южных рубежах — в Астрабаде, Мешхеде, Герате — активно действовали английские агенты Риджуэй, Ламсен, Стюарт, Томсон, Йет, Финн, Стивен и другие, а также нанятые англичанами агенты из иранцев и афганцев (Ялангтуш-хан — глава джемшидов, Сияхпуш и др.). Они встречались с туркменскими предводителями, соблазняя их пустыми обещаниями, раздавая им подарки, деньги, обещая оружие и т. п., оказывали давление на правителей Тегерана, Мешхеда, Герата, в частности на Абдурахман-хана в Афганистане. Нурберды-хан, Дыкма-сердар, Курбанмурад-ишан, Баба-хан и др. не раз ездили в пределы Ирана, где встречались с англичанами. Задача английских агентов в Мерве заключалась в том, чтобы остановить развитие начавшейся там тенденции к признанию власти русского царя обещаниями о вооруженной помощи, разжечь среди местного населения вражду к России, а также склонить туркмен-салоров и туркмен-сарыков к признанию власти Афганистана. Эти вопросы обсуждались в британском парламенте английскими премьер-министрами, послами Великобритании в Петербурге и Тегеране Торнтоном и Томсоном, английским генералом Ламсденом и полковником Риджуэем, направленным из Индии в Герат, к границам Пендинского оазиса с тысячным отрядом.

Между тем царские войска постепенно, но неуклонно продвигались на восток, приближаясь к рубежам Мерва. Попутно они присоединили к России пограничные с Ираном районы, аулы Атекского оазиса с центром в Каахка, большие туркменские аулы Душак, Меана, Чаача и др., население которых предпочло принять подданство России, а не оказаться под властью Ирана. В начале 1882 г. из Ашхабада в Мерв был направлен торговый караван московского купца Коншина, после чего начали развиваться торгово-экономические отношения между Мервом и Ахалом. Марыйские туркмены приезжали в Ашхабад со своими товарами, пригоняли на продажу много скота. В конце 1883 г. царские войска заняли Тедженский оазис и оказались на подступах к Мерву. Главной их целью была демонстрация решимости царской России двинуться на Мерв.

С занятием Тедженского оазиса судьба соседнего Мерва была решена. Отсюда 22 декабря 1883 г. в Мерв выехал штабс-капитан М. Алиханов-Аварский⁸⁴, посланный командованием для ведения переговоров со старшинами мервских текинцев. Ехать вместе с ним вызвался Махтумкули-хан. Небольшой отряд Алиханова проделал путь из Тедженского оазиса к Мерву за три дня. В брошюре говорится о торжественной встрече миссии Алиханова на полпути, о том, что ее с почетом принимали в оазисе, а устроенный 1 января 1884 г. генгеш (совет) старейшин всего оазиса в ауле Гюльджамал-ханши «сопровождался массовым народным празднеством, в котором участвовали тысячи людей, общим пиршеством, состязаниями народных певцов и музыкантов, играми и скачками» (с. 40—41). Но архивные документы о такой идиллической картине ничего не сообщают. Она основана лишь на воспоминаниях Алиханова⁸⁵.

Как конкретно протекали «переговоры» Алиханова с мервскими старшинами, мы знаем мало. В брошюре отмечается, что он выступил перед собравшимися с краткой речью. Тихомиров, Давлетов и Ильясов не приводят ее текста, но ее общий тон, резкая и ультимативная форма предвещали исход генгеша. Алиханов говорил, что за три года после завое-

⁸⁴ М. А. Алиханов-Аварский, по характеристике Тихомирова, типичный колониальный офицер — лхой, смелый, дерзкий, хитрый, предприимчивый, умевший заслужить доверие туркмен и одновременно двуличный, смотревший на них сверху вниз, свою принадлежность к мусульманству использовавший как удобную ширму (Тихомиров М. Н. Ук. соч., с. 142).

⁸⁵ Вестник Европы, 1904, № 9, с. 112.

вания Ахала мервцы не только не одумались, но еще больше усилили свою дерзость и грабежи. «Вы привыкли иметь дело со слабыми персами и, несмотря на свежий еще геок-тепинский урок, забыли, к сожалению, что русские — не персы, — продолжал Алиханов. — Ни одно солидное государство не потерпело бы под боком у себя вашего образа жизни. России и подавно нечего с вами церемониться. И вот настал момент, когда она считает, что вы должны немедленно и беспрекословно сделаться подданными белого царя или же приготовиться встретить через две недели русские войска. Итак, выбирайте: благоденствие мирной жизни или — беспощадная война». Далее он рассказал о движении царских войск от Шагадама (Красноводска) до Теджена, о последствиях погрома, учиненного ими в Ахале, о покорении ими Коканда, Бухары и Хивы, призвал пожалеть своих жен и детей. Он пригрозил, что если мервские туркмены не послушаются его советов, то будут стерты с лица земли⁸⁶.

После этого выступил Махтумкули-хан, который уговаривал собравшихся внять советам Алиханова, и сформулировал условия, на которых мервские туркмены согласны принять подданство России. В тот же день на огромном листе бумаги был составлен текст прошения, и собравшиеся на генгеи старшины, за исключением одного, приложили к нему свои печати и подписи. В прошении выражалось их намерение «подчиниться воле вашей» и содержалась просьба назначить в Мерв русского начальника. 4 января 1884 г. депутация мервских туркмен выехала в Ашхабад.

Вот так свершился политический акт, который называют добровольным вхождением Мерва в состав России. Однако в данном случае, как пишет Тихомиров, можно говорить о волеизъявлении населения Мургабского оазиса, выраженном в решении собрания представителей родов, лишь с существенной оговоркой — это волеизъявление и принятие подданства России были осуществлены добровольно-принудительно после ультиматума Алиханова и трезвой оценки сложившейся обстановки. Тихомиров отмечает, что «это волеизъявление проводилось в условиях давления»⁸⁷. Поэтому он и пишет не о добровольном вхождении Мервского оазиса, а только о его мирном присоединении и его условиях.

В брошюре есть утверждение, что «для присоединения Марыйского оазиса не понадобилось посылать туда войска» (с. 40). Между тем изучавший этот процесс Тихомиров посвящает этому вопросу в своей монографии специальный раздел «Занятие Мерва (Мары) царскими войсками» и пишет, что в Мерв прибыл отряд генерала Комарова, который был встречен не только дружественно настроенными старшинами, но и 4-тысячным ополчением во главе с Каджар-ханом. Антирусски настроенного хана подогревали английские агенты Сияхпуш и Ахмед-шах. Фактически они и спровоцировали вылазки ополчения. 29 февраля отряд Каджар-хана столкнулся с царскими войсками, но был рассеян после первой же стычки. Вторая такая попытка была сделана в ночь с 2 на 3 марта, и тоже кончилась неудачей. Вслед за Мервом с просьбой о принятии в подданство к России обратилось население небольших оазисов Иолотани, Пенде и Серахса.

Итак, процесс присоединения Туркменистана к России растянулся почти на два десятилетия (1869—1885 гг.), если не считать мангышлакских туркмен, ранее принявших подданство России. Данная статья не претендует на полноту освещения этого сложного и во многом противоречивого процесса. Целью ее было воскресить историческую память и выразить несогласие с субъективистским истолкованием события столетней давности, в котором повинен и автор этих строк, как один из тех, кто написал раскритикованную здесь брошюру о добровольном вхождении Туркменистана в состав России. Эта концепция была попыткой оправдать, приукрасить захватническую политику царизма в Средней Азии.

⁸⁶ Там же, с. 113—116.

⁸⁷ Тихомиров М. Н. Ук. соч., с. 150.